
КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

**CH. HERRMANN. DER HOCHMEISTERPALAST AUF DER MARIENBURG.
KONZEPTION, BAU UND NUTZUNG DER MODERNSTEN EUROPÄISCHEN
FÜRSTENRESIDENZ UM 1400. PETERSBERG:
MICHAEL IMHOF VERLAG, 2019**

© 2022 г. И. В. Антипов*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**E-mail: i.antipov@spbu.ru*

Поступила в редакцию 12.04.2021 г.

После доработки 12.04.2021 г.

Принята к публикации 01.06.2021 г.

DOI: 10.31857/S0869606322010020

Новый фундаментальный труд Кристофера Херрманна, известного историка архитектуры кирпичной готики, посвящен дворцу Великого магистра Тевтонского ордена, находящемуся в замке Мариенбург (Мальборк, Польша). Уникальность этого здания заключается как в наличии очень сложной, тонко продуманной структуры, так и в степени сохранности постройки — несмотря на многочисленные войны (особенно сильно Мариенбург пострадал в годы Второй мировой войны), дворец конца XIV в. сохранился очень хорошо, уцелела даже часть первоначальных стропил перекрытий.

О мариенбургском дворце много писали как немецкие, так и польские историки архитектуры и реставраторы, собственно объектом исследования он стал еще в XIX в. Тем не менее обобщающей монографии, в которой рассматривались бы разные аспекты истории строительства и последующей жизни дворца Великого магистра, до недавнего времени не существовало¹. Формулируя задачи своего исследования, Кр. Херрманн подчеркивает необходимость выйти за пределы традиционного типа историко-архитектурных штудий, посвященных одному памятнику, — автор изучает не только те сюжеты, которые обычно интересуют искусствоведа или археолога (строительную хронологию, назначение помещений, различные декоративные или конструктивные особенности и пр.), он стремится охарактеризовать повседневную жизнь обитателей дворца и, прежде всего, его хозяина — Великого магистра.

Кр. Херрманн начинает свой труд с традиционной историографической главы, в которой по-

дробно характеризует степень изученности темы и предлагает авторскую методику исследований. Особо хочется отметить базовую методологическую установку — идти строго от фактов, не позволяя себе формулировать гипотезы там, где нет для этого твердых оснований. Историков, в том числе историков архитектуры, часто “заносит” — одна гипотеза опирается на другую, другая — на третью, в итоге исследователь в следующей публикации считает истиной то, что изначально было только робким предположением. Книга Кр. Херрманна свободна от такого подхода и в этом смысле может быть признана образцовой для историко-архитектурной науки.

Изучая историю застройки территории, на которой ныне стоит дворец Великого магистра, автор приходит к выводу о том, что в первом внешнем дворе замка первоначально находилось здание хозяйственного назначения, а в 1331–1335 гг. здесь был выстроен первый дворец Великого магистра. В главе об истории этого здания Кр. Херрманн уделяет особое внимание вопросам датировки постройки и подробно изучает наиболее сохранившуюся часть первоначального дворца — знаменитую Большую трапезную (Großer Remter).

Основная часть книги посвящена Новому дворцу Великого магистра, в состав которого вошли фрагменты ранних построек, в том числе и Большая трапезная. Впервые выявлены этапы строительства дворца, а также предложены их датировки, основывающиеся на комплексной доказательной базе — данных письменных источников и результатах дендрохронологического анализа элементов каркаса кровли дворца. Согласно точке зрения автора, строительство здания началось в 1380–1383 гг. (строительный этап 1a) с перестройки северной части старого дворца, где находились покои Великого магистра и капелла.

¹ Дворец в Мариенбурге кратко рассматривается и в обобщающей монографии немецкого исследователя, посвященной архитектуре Тевтонского ордена (Herrmann, 2007).

Практически параллельно с этим в 1380–1385 гг. шли работы по сооружению нового западного крыла дворца (строительный этап 1b). На заключительном этапе была реконструирована его юго-восточная часть (около 1393–1396 гг., строительный этап 2).

По мнению исследователя, инициатором строительства нового дворца был магистр Винрих фон Книпроде (1351–1382), а завершено оно было уже при магистре Конраде Цёлнере фон Ротенштейне (1382–1390). Причинами перестройки дворца явились как стремление получить новые помещения для различных нужд (например, усиление значения канцелярии в жизни ордена потребовало устройства специальных помещений для ее служащих), так и желание сделать облик резиденции магистра более парадным.

Кр. Херрманн последовательно описывает фасады и интерьеры здания, обращая внимание не только на детали внутреннего и внешнего убранства дворца, но и на использованные при его возведении строительные материалы. Особый раздел автор посвящает дворцовой капелле Великого магистра, до сих пор малоизученной части здания.

Важнейшая тема исследования — характер использования и функции помещений дворца. Авторский анализ этой темы базируется на нескольких установках: в большей части здания сохранилась первоначальная планировка; письменные источники дают значительное количество информации о первоначальном использовании отдельных помещений и частей здания; восстановить функцию помещений помогает сопоставление с аналогами из основных прусских резиденций; можно предположить, что структура здания была хорошо продумана Великим магистром и его архитектором. В итоге проделанной работы исследователю удается выделить четыре функциональных зоны: 1) парадные помещения, 2) жилые комнаты, 3) канцелярия, 4) кухня, складские помещения и подвалы.

Рассматривая отдельные аспекты структуры здания, автор указывает на наличие значительно-го числа элементов “жизненного комфорта”: туалетов, отопительной системы, колодцев внутри дворца. Отличительной особенностью постройки является расширение пространства, предназначенного для повседневной жизни, увеличение размеров окон, улучшение доступа в здание. Тенденция к созданию более комфортных условий жизни была в целом характерна для архитектуры в течение XIV в., однако вряд ли какая-либо иная постройка этой эпохи по уровню комфорта может быть соотнесена с дворцом Великого магистра.

Одна из центральных идей книги — мысль о существовании во Дворце Великого магистра иерархической структуры расположения поме-

щений. Данная иерархия прослеживается, прежде всего, в вертикальной структуре здания: находящиеся на вершине иерархии жилые и представительские комнаты Великого магистра были устроены на последнем, четвертом этаже, этажом ниже располагались комнаты сановников, на первом и втором этажах размещалась канцелярия, при этом верхние этажи были выше нижних. Строгая иерархия помещений присутствует и в рамках одного этажа — увеличение количества декоративных элементов, усложнение способов оформления опор, порталов, окон, сводов, капителей, консолей свидетельствует о наиболее важном значении тех или иных залов. По мнению автора, такая четкая реализация принципа иерархической структуры здания во дворце Великих магистров является абсолютно уникальной в истории средневековой архитектуры, а идея *piano nobile* появляется здесь в наиболее чистой и фактически идеальной форме.

В отдельной главе автор изучает как фасадное убранство, так и декор интерьеров дворца, уделяя пристальное внимание сохранившимся фрагментам живописных композиций и монументально-декоративной скульптуре. Наиболее продуктивным оказывается сравнение разнообразной по характеру резьбы и использованным мотивам скульптуры Большой трапезной, относящейся еще к первому дворцу 1331–1335 гг., и оформления архитектурных элементов нового дворца, для которого не применялись фигуративные формы. Подобное решение осмысливается автором как один из ключевых художественных приемов, использованных архитектором в процессе создания интерьеров постройки.

Особой темой является изучение дворца в контексте европейской жилой архитектуры — поиск возможных моделей постройки, параллельных явлений и зданий, выстроенных с ориентацией на мариенбургский дворец. На наш взгляд, в методическом смысле эта глава оказывается одной из самых важных в работе Кр. Херрманна. Предшественники исследователя искали истоки архитектуры дворца на широких просторах Европы: от Вены и Нижнего Рейна до Франции, Англии, Богемии, Италии и Фландрии. Часто встречалась мысль о том, что зодчий вдохновлялся сразу несколькими источниками — собрав отдельные архитектурные мотивы по всей Европе, он затем соединил их во дворце в Мариенбурге. Строитель резиденции Великого магистра представлялся хорошим компилятором, а не творцом, способным реализовывать свои художественные замыслы. Архитектор мариенбургского дворца должен был быть и великим путешественником — чтобы приобрести такой багаж знаний, ему пришлось бы проделать грандиозный путь по всей Европе.

Кр. Херрманн подчеркивает, что идея о возможности изучения средневековыми мастерами значительного количества построек в разных регионах Европы кажется очень искусственной и не соответствует реальным условиям жизни последних десятилетий XIV в. Мастера того времени мало путешествовали, мы можем судить об этом на примере хорошо документированной биографии Петера Парлера.

По мнению автора монографии, зодчий Великого магистра был очень изобретателен как в чисто архитектурной, так и в конструктивной сфере, ему удалось создать свой неповторимый стиль, он был не компилятором, а художником со своим неповторимым почерком. Тщательный сравнительный анализ мариенбургской постройки с другими европейскими резиденциями показывает, что не существует какого-то конкретного прототипа для орденского дворца.

Интересной темой оказывается поиск сооружений, выстроенных под влиянием архитектуры дворца Великого магистра. Автор приводит три таких здания: ратуша в Мариенбурге, замок в Бютове, Владычная палата в Великом Новгороде. Важно отметить, на наш взгляд, что таких примеров в реальности могло быть значительно больше — в архитектуре Ливонии сохранилось очень мало построек подобного назначения, не дошедшие до наших дней дворцы могли в той или иной степени ориентироваться на мариенбургский образец (об этом говорит нам структура новгородской Владычной палаты, выстроенной, вероятно, ливонскими мастерами спустя десятилетия после возведения мариенбургского дворца (Yakovlev, Trushnikova, Antipov, 2020)).

Одна из основных глав в работе называется «Заказчики, архитекторы и рабочие». Великий магистр Лютер фон Брауншвейг, заказчик первого дворца, известен своим интересом к искусству и литературе, он оказал значительное влияние на создание архитектурной концепции собора в Кёнигсберге, вероятно, композиция дворца в Мариенбурге тоже была сформирована при его деятельном участии. Магистр Винрих фон Книпротде начал строительство новой резиденции через 30 лет после прихода к власти. Именно заказчик, хорошо представлявший себе особенности повседневной жизни главы ордена, должен был обозначить архитектору свои требования по наличию определенных помещений и, возможно, их расположению, предоставив зодчему свободу в конкретных аспектах реализации своих замыслов.

Имя строителя первого дворца неизвестно, ясно, что он происходил из среды прусских мастеров и, возможно, участвовал в расширении Верхнего замка в 1315–1330 гг. Этот мастер не был новатором — архитектура первой резиденции демонстрирует развитие и усовершенствование

уже существовавшей строительной традиции. Мастер Иоганн, автор нового дворца (его имя мы знаем благодаря сохранившимся документам), принес в Мариенбург свой архитектурный стиль, не следовавший местной традиции. Построенный им дворец оказался необычным элементом в архитектурном ландшафте Пруссии — мастер нарушил практически все архитектурные каноны того времени. По мнению автора, Иоганн был очень независимым и невероятно креативным зодчим, способным преодолевать традиции и идти своим путем. Архитектор мариенбургского дворца может быть поставлен в один ряд с другими великими зодчими своей эпохи (Петером Парлером, Ульрихом фон Энзингеном, Хансом фон Бургхаузенем, Мадерном Гертенером). Источники позволяют реконструировать основные этапы творческой биографии мастера Иоганна — он родился около 1350 г. и, вероятно, обучался мастерству каменщика в Богемии, около 1374 г. он, возможно, был приглашен в Аренсбург (ныне Курессааре, Сааремаа, Эстония), после 1380 г. переехал в Мариенбург, где до 1397 г. строил дворец Великого магистра, а также ратушу. С 1398 по 1406 г. мастер Иоганн возводил орденский замок в Бютове.

Исследователь подчеркивает, что в возведении дворца должны были принимать участие многочисленные каменщики, мариенбургская постройка — единственная из архитектуры Пруссии, где обнаружено такое количество меток каменщиков. Пока изучены и проанализированы только метки из Летней трапезной — на примерно 500 блоках камня зафиксировано 113 знаков, видимых со стороны интерьера. Всего выделено 35 разных знаков, что показывает одновременное участие около четырех десятков мастеров в возведении этой части здания. Большое количество мастеров позволяло быстро строить такие значительные по размеру помещения, как Летняя трапезная.

В тексте следующих глав Кр. Херрманн выходит за пределы традиционного историко-архитектурного исследования и рассматривает повседневную жизнь дворца Великого магистра (благодаря сохранившимся документам дают возможность это сделать). Исследователь реконструирует состав и численность (от 100 до 125 человек) двора Великого магистра, выявляет круг посетителей дворца (от иностранных монархов и принцев, послов до менестрелей и простых подданных магистра). Обозначены важнейшие события, которые регулярно происходили во дворце — Генеральный капитул Тевтонского ордена, ежегодные капитулы прусской части ордена, встречи ближайших сановников (внутренний совет) и др. Сведения письменных источников дают возможность судить и о том, когда и что ели на трапезах во дворце. Особенно интересен рассказ о повседневной

жизни Великого магистра — его день был строго регламентирован и состоял в основном из молитв, дворцовых трапез и забот по управлению орденом. Остается только пожалеть, что отечественные источники не дают нам возможности столь же наглядно представить обычный день русских архиереев XIV–XV вв.

Важным оказывается и изучение вопроса о соответствии жизни при дворе Великого магистра принципам придворной культуры, характерным для правителей светских государств. Сопоставительный анализ основных особенностей, характерных для рыцарской придворной культуры, и ситуации, сложившейся при дворе Великого магистра, показал, что жизнь в Мариенбурге имела свою специфику, связанную именно с особенностями уклада рыцарского ордена (нет сведений о развлечениях, характерных для рыцарской жизни, придворной литературе, за исключением религиозной, и т.д.). Возвращаясь к истории архитектуры дворца, автор делает важный вывод — с помощью архитектурных особенностей постройки Великий магистр четко дистанцировался от великолепной придворной культуры, к которой привыкли его иноземные гости. Вместо этого подчеркивалось, что он глава ордена, который отвергает пышность и различные удовольствия, сражаясь с язычниками за христианскую веру, — зодчий демонстративно отказывается от сложных декоративных форм, это здание поражает другим — величием и дерзновенностью архитектурных решений.

В заключение автор указывает на то, что дворец Великого магистра стал одной из самых передовых построек своего времени — это касается и его необычайно тонко продуманной структуры, и стилистических особенностей здания. Не будет преувеличением сказать, что дворец строил блестящий архитектор, обладавший своим собственным художественным языком.

Книга Кр. Херрманна прекрасно иллюстрирована, особое значение приобретают составленные автором аналитические чертежи, позволяющие наиболее наглядно представить себе функциональное зонирование в здании дворца. На наш взгляд, труд немецкого историка архитектуры может служить образцом монографического исследования средневековой дворцовой постройки, предложенные им подходы могут быть во многом реализованы и при анализе архитектуры резиденций древнерусских архиереев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Herrmann Ch.* Mittelalterliche Architektur im Preussenland: Untersuchungen zur Frage der Kunstlandschaft und -geographie. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2007.
- Yakovlev D., Trushnikova A., Antipov I.* The cross-cultural interaction in Baltic region in the fifteenth century: the vaults of the Faceted Palace in Novgorod the Great and the Brick Gothic architecture // *J. Baltic Studies*. 2020. V. 51. № 4. P. 553–568.